

Глава 1. Путь в никуда

Небо совсем потемнело. По улицам гулял порывистый ветер, и хотя осень уже вступила в свои права, в редком стрекоте цикад всё ещё чувствовался невыносимый зной. Горячие потоки воздуха подхватывали дорожную пыль, швыряя её в лица прохожих.

Огни ночного рынка зажглись давно. В это время переулки обычно забиты любителями позднего ужина; тем, кому не хватило места за столиками, приходилось ютиться прямо на ступенях. Толпа с аппетитом уплетала острую лапшу, наполняя воздух громким хлюпаньем.

Лишь глубоко за полночь люди начали расходиться. На мостовой остались лужи недоеденного супа, пищевые отбросы и россыпи бамбуковых палочек. От пролитого масла асфальт жирно поблескивал в свете фонарей. Женщина средних лет с лоснящимся лицом недовольно ворчала, выплёскивая на дорогу воду, чтобы смыть грязь. Она то и дело упирала руки в бока и оборачивалась к дверям заведения:

— Поторапливайся! Если вернёмся поздно, этот мелкий паршивец опять устроит мне истерику!

— Слышу я, слышу! — отозвался изнутри мужчина. — Весь день на ногах, чего ты раскричалась, старая?!

Он вышел на крыльцо, небрежно бросил на стол дырявую тряпку и скомандовал:

— За работу!

— Ах ты... — Женщина уже набрала воздуха, чтобы огрызнуться, как вдруг её взгляд упал на человека, сидевшего неподалёку на ступенях. Рядом с ним стоял чемодан, а сама фигура на фоне ночного города выглядела на редкость одинокой.

— Эй, Лао Ли, — шепнула она, — глянь на пацана. Сбежал из дома, что ли?

— Чего? — Лао Ли разогнул спину, вытирая руки, и нахмурился. — Похоже на то... Сходи-ка, проверь. Время — три часа ночи, нормальные дети давно по домам сидят, а не по улицам шатаются.

— Ладно. — Женщина развязала передник и сделала пару шагов к незнакомцу.

Парень тут же настороженно обернулся. В неверном свете фонарей его черты казались размытыми, но даже так было видно: он чертовски хорош собой. Бледная кожа, тонкие, чуть опущенные к уголкам глаза... Несмотря на недружелюбный взгляд, по нему сразу было ясно — мальчишка не из простой семьи.

Под этим пристальным взглядом женщина смутилась. Она неловко обтёрла ладони о край одежды, и её обычно грубый голос невольно смягчился:

— Послушай, малец... Ночь на дворе, чего домой не идёшь?

Бянь Шэнцзянь на мгновение замер, затем медленно поднялся со ступеней:

— Простите. Я вам мешаю?

— Да нет, что ты! — Женщина замахала руками. Глядя на него, она даже затаила дыхание.

До чего же красивый мальчишка!

— Понятно. Тогда я ещё посижу. — Бянь Шэнцзянь вежливо кивнул, но его взгляд оставался отрешённым.

Сердце женщины дрогнуло от жалости:

— Опасно тут ночью, понимаешь?.. Ты не местный? Где родители? Если некуда податься, я могу помочь с жильём. Не сиди ты так, сынок.

— Спасибо, не стоит беспокоиться. — Наконец он посмотрел ей прямо в лицо. Он едва заметно улыбнулся, но взгляд остался тёмным и холодным. — Я скоро уйду.

— Уверен? Гостиницы тут не из дешёвых! — крикнула она ему вслед, когда он, не оборачиваясь, зашагал прочь. — Береги себя!

— Да брось ты, — Лао Ли подошёл сзади и приобнял жену за плечо. — Видела, как он одет? У такого деньги точно водятся. Очередной богатый сынок решил сбежать из золотой клетки и «хлебнуть жизни». Не наше это дело.

— Эх, вот бы наш оболтус вырос таким же красавцем, — женщина проводила взглядом фигуру, скрывшуюся за поворотом. — Правда ведь?

— Ага, размечталась. С нашими-то генами? Будет удачей, если он себе хоть какую-нибудь жену найдёт, — усмехнулся Лао Ли.

— Тьфу на тебя! Какой из тебя отец после этого?! — женщина в шутку толкнула его в плечо.

Улицы окончательно погрузились в тишину. Где-то вдалеке ещё взревел мотор мотоцикла, но вскоре и этот звук затих. Даже собаки замолчали.

Бянь Шэнцзянь пристроился на краю невысокой клумбы. Здесь его никто не тревожил. В этой тишине он отчётливо слышал собственное сердцебиение.

Он уставился на тусклую лужу у своих ног. Та решимость, что поддерживала его всё это время, внезапно испарилась. На её место навалилась густая, удушливая меланхолия. Казалось, стоит шевельнуться — и он окончательно провалится в эту ночную тьму, из которой уже не выбраться.

«Я не понимаю, почему ты вечно решаешь проблемы кулаками! А?! Ответь мне, почему!»

Человек, который с биологической точки зрения приходился ему отцом, орал так, будто хотел сорвать связки. У Бянь Шэнцзяня с детства была одна особенность: если он не хотел чего-то слышать, информация пролетала сквозь него, как вода сквозь решето.

— Раньше я не возражал против твоих групп и сомнительных дружков... Но на этот раз ты перешёл все границы! Ты меня разочаровал! — Бянь Цзяньхуа, видя полное безразличие сына, в ярости ударил по столу. — Ты меня вообще слушаешь?! Ты понимаешь, что после исключения тебя ни одна приличная школа не возьмёт?!

— Ну и ладно, — Бянь Шэнцзянь, не поднимая головы, медленно очистил дольку мандарина, тщательно убрав белые прожилки и отправил её в рот. — Значит, не буду учиться.

— Что ты сказал? — Бянь Цзяньхуа уставился на него. — И что ты собираешься делать? Свои песенки писать? Думаешь, твоя музыка тебя прокормит?

Проглотив мандарин, Бянь Шэнцзянь встал и встретил испепеляющий взгляд отца:

— То есть ты считаешь, что в той драке виноват исключительно я.

— А кто ещё?! — К этому моменту Бянь Цзяньхуа немного остыл. Заметив в глубине глаз сына горькое разочарование, он невольно смягчил тон. — Папа понимает, ты хотел помочь... но ты его едва не убил. Я вчера был в больнице, врачи говорят, последствия могут остаться на всю жизнь...

— Туда ему и дорога, — холодно бросил Бянь Шэнцзянь.

— Ты! — Бянь Цзяньхуа стиснул зубы. — Ладно. С родителями того парня я договорюсь, выплачу компенсацию. Но школа...

— Я туда не вернусь, — Бянь Шэнцзянь взял ещё один мандарин. — Там либо подонки, либо идиоты, которые думают, что если у предков есть деньги, то можно топтать других. Меня от них тошнит.

— Я понимаю, но школу окончить нужно. Если хочешь заниматься музыкой, я отправлю тебя за границу, в консерваторию... — Бянь Цзяньхуа выглядел вконец измотанным. Он тяжело опустился на диван. — Господи, что мне с тобой делать?

— Оставь меня в покое. Сам как-нибудь выкручусь, — Бянь Шэнцзянь вертел в руках дольку фрукта. — Не трать на меня силы.

— Чушь собачья! — Бянь Цзяньхуа не выдержал и выбил мандарин из его рук. — Почему ты так безответственно относишься к своей жизни? Мать тебя рожала не для того, чтобы ты кулаками махал...

Он замолчал на полуслове. Бянь Шэнцзянь медленно поднял на него глаза, полные затаённой ярости.

— Бянь Цзяньхуа, — голос парня звучал пугающе тихо. — С чего ты взял, что имеешь право так со мной разговаривать?

— Потому что я твой отец! — Бянь Цзяньхуа сорвался на крик, но тут же осёкся, не выдержав этого тяжёлого взгляда.

— Вот как? — Бянь Шэнцзянь издал короткий смешок. — Ты — мой отец? Да я тебя за отца никогда не считал! Мой отец умер вместе с матерью, когда мне было десять!

Бянь Цзяньхуа побледнел, его губы начали синеть:

— Сын...

— Да, я люблю драться, люблю свою «дрянную» музыку. Но тебе-то какое дело? — Пальцы Бянь Шэнцзяня впелись в ладони. — Знаешь... я каждую секунду мечтаю о том, чтобы ты поскорее сдох.

— Нет... — Бянь Цзяньхуа тяжело задышал, лихорадочно нашаривая лекарство в кармане. — Послушай меня...

— Почему я избил того ублюдка до полусмерти? — В голосе Шэнцзяня клокотала ярость, хотя на губах играла жестокая улыбка. — Потому что умение убивать у меня в крови. Наследственность, понимаешь? От настоящего отца досталось.

— Ты ведь согласен со мной... убийца? — Шэнцзянь прищурился.

Воздух в комнате словно застыл. Бянь Цзяньхуа рывком поднял голову и, не давая себе времени на раздумья, наотмашь ударил сына по лицу.

— Замолчи! Всё было совсем не так!

Бянь Шэнцзянь не ответил. Удар был сильным — у него потемнело в глазах, голова мотнулась в сторону. Кровь из разбитой губы капнула на белоснежный ковёр, оставляя уродливые красные пятна.

— Ха... — Бянь Шэнцзянь вытер рот. Звон в ушах не проходил несколько минут, заглушая голос отца. Хорошо, что тот не выбил ему барабанную перепонку, иначе Шэнцзянь точно схватился бы за нож.

— Шэнцзянь... прости. Я не хотел, — Бянь Цзяньхуа, дрожа, попытался коснуться его плеча.

— Пошёл вон, — Шэнцзянь прижал бумажный платок к губе. Голос его охрип. — Не смей меня трогать.

Отец застыл. Бянь Шэнцзянь ушёл в ванную, смыл кровь и вернулся. Его взгляд снова стал холодным и отстранённым:

— Ты же знаешь, до конца дней мы будем только ненавидеть друг друга. Найди мне школу подальше отсюда. Я не хочу тебя видеть.

С этими словами он вышел, хлопнув дверью.

Бянь Цзяньхуа молча опустился на диван и закрыл лицо руками.

— Сань-гэ, ты правда уезжаешь?

Когда раздался звонок, Бянь Шэнцзянь сидел у барной стойки, тупо глядя в пространство. Перед ним стоял бокал с чем-то ярко-красным, похожим на кровь.

— Угу. А что?

— Мать твою... — выругался Ли Фэй. — Так просто взяли и исключили? Тот урод, которого ты отделал, сам напросился, все это знают!

— Разбежались — и ладно. — Бянь Шэнцзянь отхлебнул из бокала и едва не закашлялся от приторного вкуса. — Твою мать...

— Давай сегодня вечером соберёмся? А-Мин и Пинпин тоже придут. Попрощаемся по-человечески, — Ли Фэй помолчал, а потом добавил с угрозой: — А может, мне собрать парней и ещё раз навестить того козла в больнице?..

— Да Фэй, — вздохнул Бянь Шэнцзянь. — Я сам его ударил, я знал, на что шёл. Хватит.

— Твой старик же влиятельный человек! Почему он не вышвырнул ту гниду из школы?! Это несправедливо! — Ли Фэй аж зубами заскрипел.

— Проехали, — отрезал Шэнцзянь.

— Что значит «проехали»?! — Ли Фэй заводился всё сильнее. — Знал бы я, сам бы ему добавил, чтоб он ещё полгода не встал!

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи, — меланхолично отозвался Бянь Шэнцзянь.

— Эх... — Ли Фэй понял, что спорить бесполезно. — Ладно, я забронирую столик.

— Не гони коней. Давай завтра. Сегодня сил нет. — Шэнцзянь подпёр голову рукой. — Позови всех наших, я угощаю.

— Договорились. — Ли Фэй помедлил. — Ты сейчас где? Может, приехать?

— Не надо. Ты не в моём вкусе, — Бянь Шэнцзянь прикрыл глаза. — Всё, отбой.

— Ну ты даёшь, Сань-гэ, — хохотнул Ли Фэй. — А я-то думал, чего ты из-за того парня-гея так впрягся... Совсем забыл, что ты и сам...

— Ли Фэй. — Голос Шэнцзяня стал ледяным. — Жить надоело?

— Ой, виноват! — Ли Фэй поспешил повесить трубку. — До завтра! Чмоки-чмоки!

— Придурок. — Шэнцзянь потёр виски. Обычно он мог выпить литр белой, и у него ни в одном глазу, а тут от одного виски повело. Видимо, настроение действительно было хуже некуда.

«Когда на душе паршиво, пьянеешь быстрее» Он усмехнулся этой мысли, отшил очередную девицу, пытавшуюся к нему притереться, и вышел на улицу, навстречу ночному ветру.

— За встречу! И за прощание! — Тань Мин заорал на всё заведение, поднимая бокал.

— Желаю нашему Сань-гэ блестящего будущего! — Ли Фэй вскочил, едва не выплеснув пиво Шэнцзяню на голову. — Верно я говорю?!

— Ага. Где бы я ни был, даже если сдохну — буду о вас помнить, — Бянь Шэнцзянь пихнул друга ногой и чокнулся с ним. — До дна.

— Пинпин, ты чего сидишь?! Твой Сань-гэ через пару дней уедет! — Тань Мин недовольно хлопнул Сяо Липина по плечу. — Давай, братва, хрен знает, когда ещё так посидим!

— Сань-гэ... — Сяо Липин поднялся, залпом осушил полный стакан, даже не чокнувшись. — Прости! Это всё из-за меня! Если бы не я...

— Эй, ты чего разнылся? — Ли Фэй испуганно зажал ему рот. — Договорились же — больше об этом ни слова! Ты что, блин...

— Перестань, — Бянь Шэнцзянь сунул парню в руки салфетки. — Подумаешь, беда. Группу и новую собрать можно.

— Но ведь... — Сяо Липин утирал слёзы, его глаза покраснели. — Сань-гэ, я этого никогда не забуду! Всю жизнь тебе буду должен!

— Спасибо, — Бянь Шэнцзянь коротко чокнулся с его стаканом.

— Вот именно, делов-то! Мы же братья, вместе через такое прошли! — Тань Мин тоже заулыбался, хотя глаза у него подозрительно заблестели.

— Ну вы и кадры... — Глядя на их трагические мины, Бянь Шэнцзянь не выдержал и вздохнул. — Ладно, ревите дальше, а счёт я оплачивать не буду.

— Ну нет! — Ли Фэй тут же взял командование на себя. — Эй, парни, какой наш девиз?! Забыли?!

— Жаркий ветер, жаркий ветер, пылкий словно ветер! Вечная любовь, вечное безумие!

— Психи, — Бянь Шэнцзянь улыбнулся и откинулся на спинку стула, глядя на этих вопящих до хрипоты идиотов. Впервые за долгое время он почувствовал, что тяжесть на душе немного отступила.

— Удачи нам, — негромко произнёс он.

<http://bllate.org/book/17573/1708119>